

УДК 130.2:821.161.1-1Волошин1/7.07

Р 618

Мария РОДЯН

МИФОЛОГЕМА СТРАННИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ВОЛОШИНА

Грааль скорбей несем по миру мы –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

М.А. Волошин

В статье рассматривается мифологема странничества в творчестве Максимилиана Волошина. Выявляются различные мотивы, сюжеты, легенды и сказания, связанные с особенностями реализации и эволюции данной мифологемы в свете религиозно-философского контекста. Автор показывает, что мифологема странничества в произведениях М. Волошина расширяется вплоть до неустанного поиска смысла жизни, индивидуального пути и предназначения.

Ключевые слова: мифологема странничества, путь поэта, Каин, Вечный жид.

Постановка проблемы. Обращаясь к творчеству поэта или писателя, и в частности к ключевым мотивам тех или иных произведений, исследователи осуществляют свои разыскания чаще всего в сфере литературоведческой, лингвистической, культурно-исторической. Однако мотивы творчества такого мастера художественного слова, как Максимилиан Волошин, понуждают нас задействовать и контекст религиозно-философского плана, и особенно это касается мотивов пути, изгнанничества, мятежа, нищеты, странничества и других, близких им по значению, которые воз-

можно условно объединить под знаком мифологемы странничества. В области философско-культурологической мысли данные мотивы уже давно образовали устойчивый философский контекст, непрекращающаяся трансформация которого говорит о его значимости применительно к пониманию сущности и назначения художника и самого искусства. Данный контекст обретает глобальное значение в истории мировой культуры благодаря непрерывному мифотворческому процессу. Его постоянное расширение, углубление и модификация отдельных элементов свидетельствует о том, что служители искусства каждый раз находятся в поисках своего жизненного пути, в поисках своего индивидуального, личностного ответа на вопросы: каков мой путь, что я могу сказать миру и как я могу в ходе своего пути повлиять на судьбы мироздания.

Анализ последних исследований и публикаций. Путь художника, и особенно поэта, чаще всего понимается как отречение или, по крайней мере, уход от общепринятого, размеренного, надежного существования. Художник не подчиняется времени, он ищет такой путь, такой способ жизни и творчества, чтобы, находясь во времени, тем не менее, служить вечным, а не временным идеологическим или политическим идеалам. И поэтому путь его во времени чаще всего оборачивается непрерывным странничеством. Именно в таком философско-культурологическом и религиозном аспектах развивается мифологема странничества в творчестве Максимилиана Волошина. Один из известных современных философов Эрик Соловьев подчеркивает, что «творчество М.А. Волошина – одна из интереснейших страниц отечественной философии» [6].

Цель статьи – выявление различных мотивов, сюжетов, легенд и сказаний, которые задействованы в реализации и эволюции мифологемы странничества в поэзии М. Волошина.

Каждый человек, несмотря на время и место его проживания, в той или иной степени является странником, и потому такими привлекательными кажутся повествования, связанные с данной тематикой, будь они фантастическими или реальными. Странником всю свою жизнь был и М. Волошин. Размышляя на эту тему и расс-

казывая о событиях своей жизни, он опирался на знакомые ему с детских лет различные сюжеты античной мифологии, библейские сказания и средневековые легенды. И в связи с данной тематикой это, в первую очередь, библейское сказание о Каине и средневековая легенда о Вечном жиде. Именно они постоянно фигурируют в его поэтических текстах то в качестве целостных сказаний, то лишь в качестве отрывков, аналогий и намеков.

Как известно, библейское сказание о Каине и средневековая легенда о Вечном жиде тесно связаны между собой, поскольку Каин как раз и был первым человеком, обреченным на вечные скитания за убийство своего брата Авеля. Каин был проклят Богом, на него, говорится в Священном писании, было наложено знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его [Быт. 4:15]. Изучение легендарного сказания о Вечном жиде, которое появилось значительно позже, вызывает определенные трудности, поскольку в различных текстуальных версиях Вечный жид упоминался под разными именами. Исследователи данной легенды называют нескольких персонажей: Иоанн Буттадеус, Иосиф Картафилус, Исаак Лакедем, Малкус, Самирин и, наконец, Агасфер. Последнее из имен является наиболее известным. Согласно одной из самых распространенных версий легенды, во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу Агасфер отказал ему в отдыхе возле своего дома, поскольку и сам был изнурен тяжелым, непрерывным трудом. За этот свой проступок он и был осужден на скитание по земле вплоть до Второго пришествия Христа. Вопросом о происхождении легенды занимались главным образом Г. Пари и А.Н. Веселовский. Обобщая выводы, сделанные Г. Пари, А.Н. Веселовский пишет, что легенда «не встретила ни в греческих, ни в славянских апокрифах, ни в преданиях восточного христианства, ни в легендах латинского запада» [2, 85]. К подобному выводу приходит и А. Пресс: «Этой легенды нет ни в апокрифах, ни в творениях Отцов церкви; она позднейшего происхождения; но установить время ее возникновения нельзя» [7]. Кроме того, А. Пресс отмечает: «...образ вечного скитальца, несомненно, – плод средневековой фантазии»

[7]. Но, как представляется, дело не только в чистой, необоснованной фантазии, поскольку множество религиозно-мифологических представлений указывают на то, что некоторые люди не подчиняются закону человеческой смертности [1].

Однако литературный контекст легенды сформирован, и М. Волошин сыграл в его формировании далеко не последнюю роль. Живший в крайне противоречивые и тревожные времена, он, как человек и художник, понимал особость этих времен, ощущал приближение катастрофы и часто находился в состоянии духовного одиночества, внутреннего беспокойства и растерянности перед лицом предстоящих испытаний. Уже в раннем творчестве отразились его раздумья о вечно блуждающих по земле изгнанниках и скитальцах, принявших в душу свою зло мира, все страдания и муки. В автобиографии, написанной, как полагают исследователи, в начале 1925 года, он писал: «Моё отношение к миру – см. “Corona astralis”» [3].

Так, в венке сонетов «Corona astralis» (1909) к пути изгнанников и скитальцев приравнивается путь поэтов. Это путь одиночества, своеобразного отчуждения от мирских забот, путь постоянных сомнений и неизъяснимой тоски, который, тем не менее, приносит радость, творческий экстаз и «глубинные прозренья».

*И никогда – ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы*

*Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы –
Изгнанники, скитальцы и поэты! [4, 123]*

Поэты, как неоднократно подчеркивает М. Волошин, именно обречены на вечное скитание, это их судьба, жребий, доставшийся им в момент рождения, их проклятие, подобно тому

*...кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена [4, 125].*

А здесь, думается, имеются в виду и Каин, и Агасфер одновременно. Поэты обречены на вечное странствие по земле уже по той причине, что их сомнения и тревоги, их встречи, любовь, расставания запечатлены в стихах и отданы на суд миру. Именно они запечатлевают в своих произведениях решающие события прошлого и настоящего и помнят всё, что не в состоянии сделать обычные люди. «...В нас тлеет боль внежизненных обид!» – своеобразный возглас всех скитальцев, несущих в себе скорбь мировую, «горький стыд» и боль памяти вечной. Более того, Волошин отмечает, что

*...Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.*

*Но – странные, – его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь –
Вдаль, по путям парабол безвозвратных... [4, 120].*

Упоминание древнегреческого мифа об Икаре, говорит о мятежном и дерзком духе скитальцев, которые, даже достигнув солнца, не чувствуют окончательного успокоения и вновь пускаются на поиски новых, ранее неизвестных путей и уже никогда не возвращаются на пути пройденные. Скитаясь по земле, поэты-странники не предаются гордыне и высокомерию, равным счетом как блаженству и обычным мирским уладам. Они избирают «темные восторги расставанья», «пространства вечной тьмы», лунный, полночный свет, а не свет дневного Солнца. Следуя такому жизненному пути, они не могут быть крещены в «глубоких водах Леты», реки расположенной в подземном царстве, испив воду, которой умершие забывают земную жизнь.

*Ах, не крещен в глубоких водах Леты
 Наш звездный дух забвением ночей!
 Он не испил от Орковых ключей,
 Он не принес подземные обеты [4, 122].*

В завершение Волошин говорит о том, что поэты-скитальцы и странники являются зрячими, но ослеплены при этом «светом дня», именно они живы и непредсказуемы в своих духовных и жизненных странствиях, однако брошены в «темный склеп» тела. И хотя так обстоит дело не только с поэтами, но и другими людьми, именно поэты во всей полноте ощущают бренность и тяжкие узы земного бытия. Соответственно, странничество понимается автором как неустанное внутреннее беспокойство, а не просто скитание по миру в поисках земного, человеческого счастья.

*Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
 Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
 Кому земля – священный край изгнанья,*

*Кто видит сны и помнит имена, –
 Тому в любви не радость встреч дана,
 А темные восторги расставанья! [4, 126].*

Более фундаментальный, философский смысл мифологемы странничества раскрывается также в поэме «Путиами Каина» (1915 – 1926), где М. Волошин интерпретирует различные известные, но, однако, не поддающиеся рассудочному пониманию библейские истины. И ветхозаветное предание об убийстве Каином Авеля истолковывается им как раз в таком нетрадиционном ключе, становясь при этом повествованием о первом бунте против кровного родства:

*Каин первый
 Нашел пристойный жест для выраженья
 Родственного чувства, предвосхитив,*

*Слова иных времен: «Враги нам близкие,
И тот, кто не оставит
Отца и мать, – тот не пойдет за мной».
Он понял истину,
Что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови [5, 17].*

«Порвавши узы кровного родства», Каин обречен на страдания и вечные скитания по миру, но именно в страданиях и постоянных поисках очищается его душа. Путь Каина и его последователей – это своеобразное шествие с крестом, со знаменем на челе, принятие зла в себя и его преодоление посредством «пересоздания самого себя». Человек, согласно Волошину, должен исполнять единственную заповедь: «ГОРИ!». Страдания очищают от скверны, поиски Бога понуждают человека обратиться к поискам своего подлинного «я», которое есть не что иное, как любовь, коренящаяся в душе каждого из нас:

*Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник – Ты! [5, 36]*

Выводы. М. Волошин на собственном опыте знает, что миссия поэтов-скитальцев непроста, но культурная традиция как вечная хранительница памяти всех поколений без осуществления такого пути не будет полноценной. Путь поэтов – это не только их путь, но и неотъемлемая часть нашей творческой жизни. И, обращаясь к творческому наследию такого неординарного, разностороннего и глубокого поэта, как М. Волошин, который ориентировался на ми-

ровой философско-культурологический и религиозный контекст, мы видим, что мифологема странничества разрастается в его произведениях вплоть до неустанного поиска смысла жизни, индивидуального пути и предназначения. И вне зависимости от обстоятельств того или иного времени, той или иной эпохи эти поиски в равной степени свойственны каждому человеку.

Литература

1. Аверинцев С.С. Агасфер / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – Т. 1. – М. : Советская Энциклопедия, 1987. – 721 с.
2. Веселовский А.Н. Легенды о Вечном жиде и императоре Траяне / А.Н. Веселовский // ЖМНП. – № 7 – 8, ч. 210. – 1880. – С. 85 – 97.
3. Волошин М. Автобиография [Электронный ресурс] / М. Волошин. – Режим доступа : http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_biograf.htm
4. Волошин М. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы 1899 – 1926 / М. Волошин ; сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова ; коммент. В.П. Купченко. – Т. I. – М. : Эллис Лак 2000, 2003. – 608 с.
5. Волошин М. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы 1891 – 1931 / М. Волошин ; сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова ; коммент. В.П. Купченко. – Т. 2. – М. : Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.
6. Соловьев Э.Ю. Благослови свой синим окоем (космоперсонализм и историософская ирония Максимилиана Волошина) [Электронный ресурс] / Э.Ю. Соловьев. – Режим доступа : http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0080.shtml
7. Пресс А. Вечный жид [Электронный ресурс] / А. Пресс // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – Режим доступа : https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Вечный_жид.

Родян Марія. Міфологема мандрівництва у творчості М. Волошина. У статті розглядається міфологема мандрівництва у творчості Максимиліана Волошина. Виявляються різні мотиви, сюжети, легенди і сказання, пов'язані з особливостями реалізації та еволюції даної міфологеми у світлі релігійно-філософського контексту. Автор показує, що міфологема мандрівництва у творах М. Волошина розширюється аж до невпинного пошуку сенсу життя, індивідуального шляху і призначення.

Ключові слова: міфологема мандрівництва, шлях поета, Каїн, Вічний жид.

Rodyan Mariya. Mythologema of Wandering in M. Voloshin's Works. The article deals with mythologema of wandering in Maximilian Voloshin's creative work. The different motives, stories and legends associated with the peculiarities of the implementation and evolution of this mythologema in the light of the religious and philosophical context are pointed out. The author shows that the mythologema of wandering in Maximilian Voloshin's works extended up to the endless search for the meaning of life, an individual path and destiny.

Key words: mythologema of wandering, poet's path, Cain, the Wandering Jew.